

Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология)

М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин

Российский государственный университет правосудия,
Российская Федерация, 117418, Москва, Новочеремушкинская ул., 69

Для цитирования: Бабаев, Михаил М., Пудовочкин, Юрий Е. 2019. «Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология)». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 136–148. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.110>

Технологии познания и оценки риска прочно вошли в арсенал многих наук. Однако в криминологии рискологический дискурс остается маловостребованным, что следует оценить как заметное упущение. В статье доказывается необходимость формирования частной криминологической теории — криминальной рискологии. В основу такой теории следует заложить представление о криминальном риске как о предметной реальности, особой характеристике и состоянии социальных явлений и процессов, развитие которых может привести к совершению преступления. Всякий криминогенный фактор, прежде чем будет реализован в преступлении, в своей эволюции проходит этап зарождения, когда опасность совершения преступления существует лишь как потенция. Именно эта потенциальная, т. е. не создающая реальной угрозы опасность представляет собой фактор риска, который существенно отличается от традиционного криминогенного фактора по показателям криминогенного потенциала. Применение методов рискологического анализа должно способствовать обособлению факторов криминального риска как факторов самой ранней, потенциальной опасности, признанию их предметом криминологического анализа и разработке адекватных мер управления такими рисками. Воздействовать на эти факторы привычными средствами криминологической профилактики невозможно. Здесь требуется иной, более тонкий инструментарий, основанный на использовании технологий рискологии. Конкретные приемы исследования, имеющиеся в арсенале рискологии, дают возможность не только выявлять и структурировать риски, но и математически оценивать их интенсивность и перспективы развития, тем самым создавая основу для управления рисками и решения конкретных задач адекватного профилактического воздействия на них. Решение задач выявления и оценки факторов криминального риска должно осуществляться в рамках криминальной рискологии, которая в совокупности с теорией сверххранного предупреждения преступлений и криминальной антропологией может составлять такой раздел криминологической науки, как микрокриминология.

Ключевые слова: криминология, риск, рискологический анализ, криминальная рискология, факторы криминального риска, ранняя профилактика преступности, частная криминологическая теория.

1. Введение. Риск — категория, которая при первом приближении представляется общеизвестной и общепонятной. Однако если сказать, что этот феномен стал объектом самостоятельной и быстро развивающейся науки риско-

гии¹, уже доказавшей теоретическую и прикладную значимость, и что рискологические исследования занимают сегодня заметное место едва ли не во всех основных сферах науки и социальной практики, то станет ясно, насколько на самом деле сложна, многогранна и в практическом смысле перспективна эта далеко не во всех отношениях проясненная категория.

В исторических масштабах допустимо считать, что доктрина риска и практика управления рисками делают только первые, впрочем, весьма успешные шаги. Более того, с уверенностью можно предсказать нарастающую потребность общества в решении теоретических и прикладных рискологических задач. Это не случайно. По единодушному признанию специалистов, глобальные процессы технического, технологического и других направлений развития решительным образом усложнили условия жизни социума и превратили его в мировое общество всеобщего риска, а борьбу с рисками — в одно из условий всеобщего выживания. В связи с этим А. Н. Куликов замечает: «В условиях бурной общественной динамики современности, совершающейся на фоне технизации и информатизации социальной практики, происходит генерация новых ценностных ориентиров, а также новых интересов и потребностей индивидов и социальных общностей, что является одним из факторов повышения рискогенности усложняющегося социального мира» (Куликов 2013, 4).

Своего рода научным отражением этой ситуации стал первый из трех главных постулатов рискологии (первая из ее аксиом). Его называют постулатом всеобщности или всеохватности, и формулируется он так: *нельзя выделить место или временной интервал, где и когда бы не встречались риски; нет безрисковых видов деятельности* (Рягин 2017, 21).

На этом фоне заслуживает крайнего сожаления то обстоятельство, что проблема риска (рисков) до настоящего времени остается совершенно неисследованной в российской криминологии, уголовной политике и в ее составной части — профилактической политике. Соответственно, в понятийном аппарате криминологии отсутствуют и само понятие «риск» в научном его значении, и аналоги этого понятия.

Подобная ситуация не должна повторяться. Риск — социальное явление, существующее на правовой территории реально, *per se*, хотим мы того или не хотим, улавливаем мы это или нет. Более того, риск существует в том же пространстве, какое занимают криминологическая наука и практика. Он фактически взаимодействует с реалиями, формирующими их предметную основу. И правовое законодательство, и уголовная политика во всех ее проявлениях, и криминологическая доктрина, и правоохранительная, судебная практика, — все эти виды деятельности протекают под вполне реальным массивным воздействием различного рода рисков, затрудняющих достижение искомых социально полезных результатов, искажающих первоначальный замысел запланированной деятельности либо уже вышедших в свет решений (постановлений, законов и иных актов). Примеры, как говорится, под рукой; мы назовем только некоторые из них: риск принятия или текстологически невнятных, или ошибочных по существу, или недостаточно эффективных, даже заведомо «мертвых» нормативных актов, регулирующих вопросы борьбы с преступностью и предупреждения преступлений; бесконечно раз-

¹ Рискология — наука, которая дает ученым и практикам основы методологии анализа рискогенной обстановки, стратегии и тактики управления рисками.

нообразные риски совершения ошибок, просчетов, служебных правонарушений, снижающих уровень результативности борьбы с преступностью; риск снижения качества и возникновения пробелов в деле научного обеспечения антикриминальных процессов; риск ошибок и просчетов при выборе конкретных объектов профилактического воздействия; и т. д., и т. п.

Приходится повторить: подобного рода риски в большинстве случаев находятся в настоящее время абсолютно вне сферы внимания криминологов. Соответственно, нет опыта работы с рисками, нет возможности сформулировать необходимые для практики рекомендации по борьбе с рисками.

Закрывать глаза на проблему рисков неразумно. В первую очередь это может сказаться (и сказывается!) на качестве решения задач предупреждения преступлений: картина криминальной детерминации оказывается неполной, ее оценка неточной, и, следовательно, профилактическая система лишается некоторых важных предпосылок повышения эффективности своих практических усилий. Не говоря уже о том, что риски, не взятые под контроль, оставленные на свободе, быстро разрастаются и превращаются в масштабные угрозы безопасности граждан, общества, государства.

Отсюда следует, что в ряду актуальных проблем повышения эффективности научного обеспечения борьбы с преступностью должна находиться тематика рискологических исследований. Ее отсутствие — масштабный пробел в исследовательском пространстве нашей науки.

Естественно, в рамках одной статьи восполнить этот пробел абсолютно невозможно. Поэтому авторская задача, по необходимости ограниченная освещением лишь некоторых аспектов темы, в данном случае состоит в том, чтобы обратить внимание специалистов на новую и весьма актуальную для криминологии проблематику.

Подобно всякому сложному и многоаспектному явлению, риск разными специалистами определяется по-разному. Сказываются не только вкусовые предпочтения, но и профессиональная принадлежность авторов. Чтобы не выстраивать вряд ли необходимый в данном случае традиционный парад определений, приведем только одно из них, наиболее краткое и, по нашему мнению, весьма точно отражающее самую суть явления: *риск — это возможная опасность*. В контексте уголовной политики и криминологии данная формула должна звучать так: *риск — это возможная криминогенная опасность*.

Феномен риска существует как единство двух его ипостасей. С одной стороны, он воплощается в личностном акте поведения — индивидуальном или групповом поступке, специфика которого состоит в том, что субъект действует наудачу, подвергая себя известной опасности, надеясь на то, что успех будет достигнут за счет его предприимчивости, смелости, лихости. Правда, даже при таких обстоятельствах рисковать — не значит действовать безрассудно. Риск не исключает расчета, а расчет, как известно, может быть точным и в силу этого ведущим к успеху либо ошибочным, влекущим частичный или даже полный провал замысла.

Наше же дальнейшее изложение будет посвящено другой ипостаси риска, той, что лежит уже в плоскости объективной реальности и представляет собой отнюдь не абстракцию, а некую *предметную сущность*, обладающую определенными криминологически значимыми качествами (свойствами). Статус реальности такого

рода рискам придает прежде всего то, что они неотделимы от своих носителей — реальных явлений (событий), которые в своем развитии привели к возникновению возможной опасности, способной к дальнейшей эволюции и превращению в полномасштабную криминальную угрозу.

2. Основное исследование. Когда говорят о криминогенных факторах, имеют в виду дающие себя знать буквально во всех областях жизнедеятельности социума конкретные негативные факты, явления и процессы, приобретшие свойства возможной криминогенной опасности. Кроме того, объективными факторами (источниками) криминогенного риска выступают многие поведенческие девиации: личностные по своему источнику и субъективные по содержанию, они обладают всеми признаками объективной реальности, ибо явлены в качестве выраженных вовне конкретных поступков конкретных людей.

Источником криминогенного риска могут быть, как известно, и некоторые категории граждан: злоупотребляющие алкоголем, семейные дебоширы, наркоманы, условно освобожденные из колоний, лица, отбывшие наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, и т. п. Чревато возникновением новых рисков само существование такого явления объективной реальности, как преступность и массив ее носителей.

Отдельно стоит сказать о том, что риски возникают и в процессе профилактической деятельности как ее неизбежное сопровождение. Выше подчеркивалось: нет и не может быть такого вида деятельности, который был бы свободен от рисков, ибо ни один из них не совершенен и не лишен недостатков, способных стать почвой для новых рисков. Этот постулат, естественно, в полной мере распространяется и на профилактическую деятельность. Коротко это звучит так: борьба с рисками рождает риски. Отсюда следует: чем более тщательно в каждом случае будут продуманы стратегия и тактика работы с рисками, конкретные меры воздействия на риски, тем больше окажется шансов не допустить возникновения новых возможных криминогенных опасностей.

В формуле «риск — это возможная опасность» равно важны оба определяющих слова. Очень многое *в равной мере* зависит от того, насколько вероятна возможная опасность и насколько она серьезна.

Если, например, говорить о сущностной характеристике категории «опасность» и последствиях того, что с нею связано, то нельзя не обратить внимания на принципиальные различия между риском как как свойством деяния и риском как фактором объективной реальности.

Рисковое поведение (поступок, действие) конкретного индивида или группы индивидов грозит опасностью возникновения негативных последствий только самому неудачливому актору или же их группе.

В интерпретации риска как некоего объективного факта (события), несущего в себе возможную криминогенную опасность, последняя угрожает вредоносными последствиями неопределенному кругу лиц, обществу в целом. Очевидно, насколько различны здесь уровни возможной социальной вредоносности.

Очень важно не только с позиций криминологического, но и прежде всего рискологического подхода правильно понимать суть определяющего слова (*возможная опасность*) в формуле, о которой идет речь.

В рискологической науке доминирует позиция, в силу которой «возможная опасность» и «опасность» — разные, хотя и теснейшим образом связанные друг с другом, понятия. Такая постановка вопроса естественным образом заставляет задуматься: каким образом можно (и можно ли в принципе) их дифференцировать с достаточной четкостью? Проблема в том, что оперировать здесь приходится оценочными понятиями, категориями, которые отражают не столько саму по себе конкретную реальность (ситуацию как таковую), сколько признаки этой реальности. Специалистам в области уголовного права и криминологии безоговорочно ясно, что жесткого критерия дифференциации в подобных случаях не существует, ибо полностью освободиться из плена оценочных понятий без неизбежных содержательных потерь невозможно.

На наш взгляд, в той же мере верно утверждение, что хороший специалист способен не только уловить неуловимую грань, но и успешно ориентироваться в этом пространстве неопределенности и оценочных категорий.

Рискология далеко не случайно перешла от принятого в предыдущий период понимания риска как *опасности* к определению его как *возможной опасности* и провела принципиальную границу между данными категориями. Дело в том, что возможная опасность — это еще не реальная опасность. Вторая является следующей ступенью эволюции первой. Критерием разграничения здесь служит соотношение того и другого феномена с последствиями, в роли которых в нашем случае выступают преступления. «Необязательность последствий лежит в основе отличия рисков от опасностей и угроз. Там последствия проявляются почти всегда... Подчеркнем, что опасности напрямую связаны с последствиями в виде осязаемого ущерба. Риски такой связи не содержат» (Рягин 2017, 32–33).

Очень существенно и то, что за понятиями «возможная опасность» и «опасность» стоят далеко не идентичные социальные и криминогенные ситуации, различающиеся по своему характеру, степени сложности, по уровню деструкции общественных институтов, организаций, систем контроля и т. п. Отсюда и потребность в различных (не полностью совпадающих) стратегических и тактических подходах к решению задач борьбы с потенциальными и реальными опасностями.

Нельзя не обратить внимания на сходство рискологической и криминологической (профилактической) терминологии: опасности, угрозы, вызовы — эти слова занимают прочное место в тезаурусе обеих наук и в соответствующей практической работе².

Возникает серия закономерных вопросов. О чем свидетельствует это очевидное сходство? Если оно возникло в силу простой замены давно известных научных категорий новыми названиями, если совпадение здесь не только терминологическое, но и сущностное, то в чем же тогда познавательный, теоретический и прикладной смысл введения в криминологический (профилактический) оборот категории «риск» в его рискологическом понимании? Сулит ли эта новация приращение нового знания, возможность более точной оценки того или иного криминогенного фактора, корректирует ли она в нужном направлении предупредительную работу?

² В криминологической литературе, хотя и не часто, но можно встретить словосочетание «криминальные риски». Но это та ситуация, когда в один и тот же термин вкладывают разные смыслы: в данном случае понятие «риск» употребляется как синоним понятия «реальная угроза», а не «возможная опасность».

Или иначе: чем рискологический подход существенно отличается от того, который стал за множество десятилетий традиционным и привычным для российских криминологов при анализе причинного комплекса преступности?

Ключевое, принципиально важное обстоятельство состоит в разных возможностях использования количественных методов анализа. Современная криминология в рамках социологических и статистических исследований своего предмета достаточно широко использует эти методы. Замеры, как правило, касаются характеристики личности преступника и его жертвы, распространенности тех или иных детерминантов преступности, ее структуры и динамики, латентной преступности, прогнозирования преступности и т. п. И все же, как представляется, в нашей науке преобладают описательные исследования³ (заметим: мы далеки от попыток отрицать их познавательную ценность, особенно когда они выполнены на добротном, качественном уровне). В нынешний век высокой цифровой, информационной технологии, программирования, компьютеризации, нового уровня прогнозирования и иных цивилизационных достижений, затрагивающих и сферу интересов общественных наук, такое положение не может быть признано удовлетворительным (Гишинский 2015; Овчинский 2017; Ларина и Овчинский 2017). Соответственно, полезен каждый шаг в направлении более широкого использования количественных методов в криминологии (Winfrey and Abadinsky 1996, 9–11).

Под этим углом зрения следует оценивать принципиально новые перспективы, которые открываются, если при исследованиях криминологической детерминации и предупреждения преступности опираться на достижения рискологии — науки о сущности и особенностях рисков, способах контроля и управления ими. Главное здесь то, что *методология, технологии и конкретные приемы (методики) исследования, имеющиеся в арсенале рискологии, дают возможность считать и структурировать риски, математически оценивать их интенсивность и перспективы развития*, в чем, собственно и состоят предпосылки управления рисками, т. е. решения конкретных задач адекватного профилактического воздействия на риски.

Этот научный багаж рискологии и накопленный ею внушительный и успешный опыт (особенно в области экономики, экологии, в техногенной сфере) могут быть с успехом использованы в интересах криминологии, естественно, при условии тесного взаимодействия с экспертами-рискологами. В этом случае можно говорить о появлении *криминальной рискологии* — частной теории, которая привнесет в традиционный дискурс о криминогенной детерминации новые и, надеемся, важные темы, теории, к отдельным аспектам которой в настоящей работе нам дано лишь прикоснуться.

Остановимся подробнее на тех дополнительных соображениях, которые, полагаем, способны обосновать необходимость криминологического изучения феномена риска, в частности анализа проблемы места и роли рисков в причинном комплексе преступности и его динамических характеристиках.

Риск как таковой, возникая, представляет собой нечто малое, чаще всего малозаметное (может быть, поэтому совершенно не замечаемое нашей наукой и практикой). В таком смысле он представляет собой характер *мини-* или даже *микросо-*

³ Определенным исключением из общего ряда работ могут служить исследования, которые регулярно проводит Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге (<http://enforce.spb.ru>).

бытия. Риск, пока он не получил дальнейшего развития, как правило, относится к разряду *низкокриминогенных факторов*. Но это ничуть не означает, что подобными величинами можно пренебрегать: расстояние от малого риска до большого преступления может быть пройдено очень быстро.

В специальной литературе, к сожалению, не принято дифференцировать детерминационный процесс, различать в нем этапы в зависимости от степени нарастания интенсивности криминогенных событий и степени близости криминального финала, иначе говоря, разную степень криминогенной напряженности обстановки.

На самом деле этот процесс представляет собой последовательную *поэтапную* динамику развития криминогенных ситуаций. Понятно, что и здесь достаточно сложно четко зафиксировать межэтапные границы. Но применительно к каждому конкретному случаю задача представляется решаемой. Ведь любой из этих этапов обладает выраженной спецификой, но, пожалуй, более всего — первый. Его мы выделяем особо, ибо речь идет об этапе *рождения риска*.

Детерминационный процесс преступности имеет начало и конец. Если криминальным финалом данного процесса следует считать возникновение отдельного или же некоего массива новых преступлений, то начинается он с появления риска (рискологической ситуации), т. е. с возникновения события, потенциал криминогенной опасности которого уже отличается от нуля.

Риск здесь — отправная точка, начало начал, самое первое звено в детерминационной цепи, точка роста. Именно это специфическое свойство риска — *изначальность* — представляет для криминологов особый интерес. И именно из него проистекает несколько существенных следствий.

Во-первых, зоне риска (риск-ситуации) как отдельному этапу принадлежит *самостоятельное место* в детерминационном процессе преступности. Точнее говоря, такое место рискам всегда принадлежало и принадлежит по факту, независимо от нашего осознания и оценки такого факта и нашего отношения к нему. Задача состоит только в том, чтобы криминология признала этот факт и сделала первый шаг, включив риск в орбиту внимания криминологов. Это уже поможет рассмотреть проблему и обратиться к ее углубленному изучению.

Во-вторых, давно назрела необходимость рассматривать совокупность криминогенных рисков как *относительно самостоятельный* объект совокупного криминологического и рискологического воздействия. В подтверждение необходимо прежде всего напомнить о том, чем и как возможные риски отличаются по своему содержанию от реальных криминальных опасностей и угроз. Следовательно, работа с рисками требует специфического подхода, специфических инструментов влияния и индивидуализированной энергетике воздействия. Определение вектора исследований в этом направлении — это самостоятельная крупная научная проблема, которую необходимо поставить в повестку дня криминологической науки.

В-третьих, следующий наш вывод аналогичен тому, к которому пришел в свое время Л. В. Кондратюк, правда, несколько по иному поводу. По его мнению, изучение преступности следует начинать не с *социологии преступности* (чем до сего времени, собственно, и занималась современная криминология), а с *антропологии преступления*. Начальным разделом криминологии должна стать микрокриминология как научное исследование присущей несовершенному человеческому духу деструктивности (Кондратюк 2001, VI).

Напрашивается прямая аналогия. Начнем с термина *микркриминология*. Он в высшей степени удачен не только как словесная находка, но прежде всего как емкое понятие, которое, по идее, должно охватывать кроме того, что имел в виду Л. В. Кондратюк, целый комплекс криминологически значимых микрофакторов (микрособытий, микропроцессов). Напомним уже высказанную мысль о том, что, когда дело касается преступности и ее причин, нет места делению факторов (ситуаций) в зависимости от их величины на важные и не важные, мало значимые и существенно значимые.

Полагаем, микркриминология несомненно достойна выделения в качестве *относительно самостоятельного научного направления* в рамках большой («материнской») науки криминологии. В нашем случае возникновение и функционирование рисков должно рассматриваться как классический микропроцесс в криминологии (или же процесс микркриминологии).

В-четвертых, надо поддержать мысль Л. В. Кондратюка о том, что криминология должна начинаться с микркриминологии. Мы здесь снова склонны к расширительному толкованию этой идеи. Полагаем, исследование *каждой крупной криминологической проблемы должно начинаться с изучения ее «зародыша»*. Сказанное в полной мере относится к теме настоящей работы. Научное исследование той или иной криминальной проблемы должно начинаться с анализа рисков, лежащих в ее основе. Это, несомненно, прольет свет на суть соответствующих криминальных итогов. Решение практических задач борьбы с преступностью, предупреждение отдельных преступлений также должны начинаться в зоне рисков, о чем подробнее будет сказано ниже.

Наконец, в-пятых, криминогенные риски, в силу своего статуса изначального «участника» детерминационного процесса, находятся в зоне относительной недопустимости для прямого применения наиболее острых средств воздействия, которыми располагает уголовная политика и, в частности, уголовное право: здесь нет преступления и нет преступника. Можно говорить только о косвенном (или, лучше сказать, непрямом) влиянии, имея в виду нормы уголовной ответственности с двойной превенцией и явно не сокрушительную силу общепредупредительного влияния норм уголовного права.

Определенные возможности воздействовать на риски с целью их минимизации или даже, если позволяют обстоятельства, ликвидации заложены, например, в нормах гражданского, административного права и некоторых иных мерах правового характера, которые обычно выделяются в группу самостоятельных элементов системы предупреждения (Жалинский 1976, 108; Филимонов 1985, 16). Но эта тематика при всей ее теоретической и прикладной актуальности очень мало исследована и заслуживает серьезного специального анализа, который находится за рамками данной статьи.

Однако в полной мере на криминогенные риски распространяются возможности и, следовательно, компетенция профилактической политики. Реальное воздействие на криминогенные риски — одновременно и одно из важных направлений воздействия на преступность в нужном для общества направлении. Оно имеет несомненный социальный смысл и представляет собой единственную возможность доказать, что профилактическая политика существует как эффективный государственный проект.

Цель и содержательный смысл *предупредительной деятельности* состоят в лишении криминогенных тенденций свободы развития, в противодействии криминальным угрозам, в недопущении возникновения преступлений, которые пока «существуют» только как потенция, в сдерживании процессов развития преступности, создании препятствий на пути ее негативных количественных и качественных изменений. Можно выразить эту мысль иначе: *мы предупреждаем преступность (конкретные преступления), противодействуя криминальным угрозам.*

Именно так или примерно так (если оставить в стороне некоторые вариации) в криминологической литературе формулируются сущность и содержание деятельности, о которой идет речь. Обратим внимание: употребляются термины «угроза», «возможность», «потенциал», но нет понятия «риск». Слово оно не существует или настолько незначимо, что недостойно упоминания. Между тем тривиальная истина состоит в том, что предупреждение преступности на стадии, когда опасность только возникла, — это способ (средство) «взаимодействия» государства с будущей преступностью, способный принести ему наибольший успех.

Сегодня можно составить довольно длинный перечень аргументов, подтверждающих острую недостаточность прежних методологических подходов и невозможность на их основе обеспечить требуемую эффективность системы профилактики, состояние которой во многом оправдывает негативно-пренебрежительные оценки, относящиеся, впрочем, и к современной криминологической науке в целом. В число наиболее значимых «аргументов обвинения», не колеблясь, надо включить игнорирование рисков как самостоятельного объекта профилактического воздействия.

Что получается в результате такого игнорирования? Если признать (а не признать этого нельзя), что риск как возможная опасность является первой и потому самой значимой точкой роста криминала, а угроза как развитие опасности возникает на следующих этапах процесса детерминации, то в соответствии с принятой в литературе позицией реальная профилактика у нас начинается не «с самого начала», а с момента, когда криминогенная ситуация уже некоторым образом набрала силу, созрела до уровня угрозы. В итоге старт проигран. Мы сами позволили рискам выиграть темп, идти вперед и придать криминогенному процессу нежелательную динамику, пусть начальную, но уже набирающую обороты. В такой ситуации меры противодействия всегда оказываются вторичными, поскольку они — «ответ». Другими словами, как это ни странно звучит, но во взаимодействии с криминальными рисками общество, образно говоря, неизменно «играет вторым номером», — позиция невыгодная хотя бы в силу неизбежной роли догоняющего. Это утраченный шанс. Шанс минимизировать (а может, даже и подавить) опасность в зародыше, прервать развитие потенциала.

Могут возразить: поскольку сфера рисков относится к самой первой, изначальной категории криминогенных опасностей, источники этих рисков относятся к зоне ответственности ранней профилактики преступлений. Но, во-первых, ранняя профилактика в отечественной криминологии представлена в значительно большей степени как идея, нежели как развернутая теория и внятная практика. В профилактической доктрине такая тема вообще далеко не всегда выделяется в качестве предмета самостоятельного исследования. Ни в одном из известных нам учебников по криминологии и в большинстве монографических публикаций та-

кая тема не выделена, а краткий материал о раннем предупреждении излагается, как правило, в связке с обзором мер индивидуальной профилактики преступлений. Во-вторых, очевидно, что общий объем криминогенного комплекса ранней профилактики достаточно велик и разнообразен. Зона риска может в нем просто утонуть. В-третьих, воздействие на риски — это не просто ранняя профилактика, это та специфическая работа, которую некоторые криминологи называют «сверхранней профилактикой» (Антоян 2014, 11–12). Именно такой термин более всего соответствует сути профилактики рисков. Правда, он совершенно недостаточно разработан в нашей доктрине, а практика на этом уровне крайне неубедительна. Что же касается содержательного наполнения этого понятия, то оно весьма дискуссионно.

Здесь надо сделать одно дополнение: в большинстве криминологических учебников и иных работ содержится мысль о том, что, с одной стороны, все полезное, что делается в стране, есть профилактика, а с другой — едва ли не все отрицательные явления (ошибки, недостатки, просчеты, упущения) в хозяйственно-экономической, политической, управленческой, социокультурной и иных сферах социальной активности, многие личностные девиации должны рассматриваться в качестве объектов профилактического воздействия.

Воздержимся от развернутой критики данного утверждения, которая увела бы нас от заявленной темы. Скажем лишь, что рядом с известным из обихода уголовного права принципом экономии репрессии, по нашему убеждению, должен стоять *криминологический принцип экономии профилактических сил*. Эти силы (возможности), как известно, далеко не беспредельны, и их надо не распылять, а концентрировать на тех объектах, которые действительно нуждаются именно в таком специфическом инструменте защиты, тем более что общество и государство полагают достаточным арсеналом возможностей минимизации социального негатива с помощью альтернативных средств (другой вопрос — как они используются).

Итак, далеко не всегда и далеко не все девиации заслуживают криминологического вмешательства. Но оно становится необходимым, когда тенденции ситуации позволяют оценивать отклонения в качестве возможной криминогенной опасности.

Наконец, последнее. Все риски, в том числе криминогенные, в высшей степени видоизменчивы и чрезвычайно динамичны. Это их качество воплощено еще в одном из постулатов рискологии, суть которого можно выразить в двух словах: риски неповторяемы. Даже тогда, когда речь идет об одних и тех же с правовой точки зрения деяниях, взятая во временном континууме картина их истоков (рисков) оказывается уникальной применительно к каждому конкретному факту. Например, специалистам не надо акцентированно напоминать, как и насколько менялись условия, с которых начиналось формирование организованной преступности в 1990-х гг., какими они были в начале 2000-х гг. и во что превратились в период, когда пишутся эти строки.

Однако особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в настоящее время приходится иметь дело с криминогенными рисками, которых раньше не существовало. Современные криминогенные риски в значительной своей части — это новые риски, возникающие как теневое следствие бурного развития передовых технических, технологических и иных инновационных процессов. Высокотехно-

гичная преступность (криминал в области информационно-коммуникационных технологий), киберпреступность, преступления с использованием новейших биотехнологий, — таков далеко не полный перечень того, что уже вошло в обиход под названием «новая преступность и «преступность будущего» (Овчинский 2005; Овчинский 2007).

3. Выводы. В настоящее время с возникновением в мире ситуации всеобщего риска при изучении ряда базовых проблем с появлением и развитием науки рискологии невозможно не брать в расчет факторы риска; вместе с тем невозможно оперировать понятием риск, не опираясь на ключевые положения рискологии.

Понятия «риск», «ситуация риска» и «управления рисками» должны быть введены в повседневный обиход тех, кто занимается практической борьбой с преступностью, — правоохранительных органов и их сотрудников.

В криминологический тезаурус и литературный оборот целесообразно ввести понятие «риск» в научном его понимании и приступить к углубленному изучению этого феномена.

Представляется крайне полезным для теории и практики криминологии наладить творческий контакт с экспертами-рискологами для проведения экспериментов с целью накопления опыта управления криминогенными рисками.

Тематика управления криминогенными рисками должна органично войти в дискурс, посвященный проблемам ранней профилактики преступлений и общей превенции уголовного права, в частности для уточнения и необходимой конкретизации совокупности объектов криминологического воздействия.

Широко распространенную в официальных документах и научной литературе формулу «безопасность от криминальных угроз» следовало бы уточнить: «безопасность от криминальных рисков и угроз».

Библиография

- Антонян, Юрий М. 2014. *Предупреждение преступности в России*. М.: Можайский полиграфический комбинат.
- Гилинский, Яков И. 2015. *Очерки по криминологии*. СПб.: Алет-Пресс.
- Жалинский, Альфред Э. 1976. *Специальное предупреждение преступлений в СССР*. Львов: Вища школа.
- Кондратюк, Леонид В. 2001. *Антропология преступления (микркриминология)*. М.: Норма.
- Куликов, Александр Н. 2013. *Социальные риски в динамике современного общества*. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Северо-Кавказский федеральный университет.
- Ларина, Елена С., Овчинский, Владимир С. 2017. *Криминал будущего уже здесь*. М.: Книжный мир.
- Овчинский, Владимир С. 2005. *Криминология и биотехнологии*. М.: Норма.
- Овчинский, Владимир С. 2007. *Информационные воздействия и организованная преступность. Курс лекций*. М.: ИНФРА-М.
- Овчинский, Владимир С. 2017. *Технологии будущего против криминала*. М.: Книжный мир.
- Рягин, Юрий И. 2017. *Рискология: Учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 1*. М.: Юрайт.
- Филимонов, Олег В. 1985. *Индивидуальная профилактика преступлений: (правовые проблемы)*. Томск: Изд-во Томского ун-та.
- Winfrey L., Abadinsky H. 1996. *Understanding Crime. Theory and Practice*. Chicago.

Статья поступила в редакцию 3 мая 2018 г.,
рекомендована в печать 15 ноября 2018 г.

Контактная информация:

Бабаев Михаил Матвеевич — д-р юрид. наук, проф.; babaevmm@yandex.ru

Пудовочкин Юрий Евгеньевич — д-р юрид. наук, проф.; 11081975@list.ru

The phenomenon of risk in the context of preventive policies (criminal riskology)

М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин

Russian State University of Justice,

69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, 117418, Russian Federation

For citation: Babaev, Michail M., Pudovochkin, Yuri E. 2019. “The phenomenon of risk in the context of preventive policies (criminal riskology)”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 136–148. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.110> (In Russian)

The technologies of cognition and assessment of risk are incorporated into numerous sciences. Nevertheless, the riskological discourse is still underdeveloped within criminology. The article states the necessity of criminologic riskology formation. The basis of such theory should be the notion of criminal risk as of objective reality, a special characteristic and state of social events and processes, the development of which can lead to crime commitment. Before its execution, any criminogenic factor passes the stage of emergence, when the crime threat is the only potential. This particular potential threat is a risk factor that significantly differs from the traditional criminogenic factor in terms of its criminogenic capacity. The application of riskological analysis should facilitate the segregation of criminal risks' factors as factors of prior, potential threat, to recognize them as the subject of criminological study, and to develop adequate measures to manage such risks. These factors cannot be affected by conventional means of criminological prevention — they require a subtle mechanism, which is based on the usage of the riskology's technologies. Specific research methods, which riskology possesses, provide the ability of risks' identification, structuring and mathematical evaluation of their intensity and development prospects; thereby creating the basis for risk management and solving the specific preventional agendas. The solution of challenges of detection and assessment of criminal risks' factors should be performed within criminologic riskology, which in conjunction with the theory of prior crime prevention and criminal anthropology can constitute such criminological science's section as microcriminology.

Keywords: riskological analysis, criminologic riskology, factors of criminologic risk, early crime prevention, private criminological theory.

References

- Antonian, Iurii M. 2014. *Preduprezhdenie prestupnosti v Rossii* [Prevention of crime in Russia]. Moscow: Mozhaiskii poligraficheskii kombinat Publ. (In Russian)
- Filimonov, Oleg V. 1985. *Individual'naia profilaktika prestuplenii: (pravovye problemy)* [Individual prevention of crimes: (legal problems)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ. (In Russian)
- Gilinskii, Iakov I. 2015. *Ocherki po kriminologii* ["Essays on criminology"]. St. Petersburg: Alef-Press Publ. (In Russian)
- Kondratiuk, Leonid V. 2001. *Antropologiya prestupleniia (mikrokriminologiya)* [Anthropology of crime (microcriminology)]. Moscow: Norma Publ. (In Russian)
- Kulikov, Aleksandr N. 2013. *Sotsial'nye riski v dinamike sovremennogo obshchestva* [Social risks in the dynamics of modern society]. Author's abstract of PhD thesis in philosophy. North-Caucasus Federal University. (In Russian)
- Larina, Elena S., Vladimir S. Ovchinskii. 2017. *Kriminal budushchego uzhe zdes'* [The crime of the future is already here]. Moscow: Knizhnyi mir Publ. (In Russian)

- Ovchinskii, Vladimir S. 2005. *Kriminologiya i biotekhnologii* [*Criminology and biotechnology*]. Moscow: Norma Publ. (In Russian)
- Ovchinskii, Vladimir S. 2007. *Informatsionnye vozdeistviia i organizovannaia prestupnost'*. Kurs leksii [*Information Impacts and Organized Crime. Lecture course*]. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russian)
- Ovchinskii, Vladimir S. 2017. *Tekhnologii budushchego protiv kriminala* [*Technologies of the future against crime*]. Moscow: Knizhnyi mir Publ. (In Russian)
- Riagin, Iurii I. 2017. *Riskologiya: Uchebnik dlia vuzov: v 2 ch. Chast' 1* [*Riskology: Textbook for high schools. In 2 parts. Part 1*]. Moscow: Iurait Publ. (In Russian)
- Winfrey L., Abadinsky H. 1996. *Understanding Crime. Theory and Practice*. Chicago.
- Zhalinskii, Al'fred E. 1976 *Special'noe preduprezhdenie prestuplenij v SSSR* [*Special prevention of crimes in the USSR*]. L'vov: Vishcha shkola Publ. (In Russian)

Received: May 3, 2018
Accepted: November 15, 2018

Author's information:

Michail M. Babaev — Dr. Sci. in Law, Professor; babaevmm@yandex.ru
Yuri E. Pudovochkin — Dr. Sci. in Law, Professor; 11081975@list.ru